

(к югу от Смоленска). Таким образом, диффузия как процесс взаимопроникновения способствует появлению новых явлений на разных языковых уровнях. Количества таких явлений невелико. Причем диффузия не всегда способствует появлению признаков переходности между языками. Это потенциальное свойство диффузных зон.

Таким образом, переходность – это не только отношения между языком А и Б на разных исторических срезах. Это явление значительно более сложное, многоаспектное и противоречивое. К примеру, часть описываемой нами зоны может входить в состав других зон. В частности, А. С. Герд реконструирует Днепровско-Двинскую диалектную зону, куда включает как северную Смоленщину, так и северную Беларусь¹⁵. А. Б. Брейдак считает, что можно объединить в одну зону говоры восточной Латвии, юго-восточной Литвы, северо-восточной Польши, северной Беларуси и Псковской области России. В Латгалии он фиксирует дву- и даже трехязычие. Следовательно, границы славянских языковых зон могут перекрещиваться многократно.

¹ Соболевский А. И. О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности. СПб., 1904. С. 7.

² Труды МДК. М., 1917. Вып. 1. С. 12–13.

³ Толстой Н. И. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977. С. 39.

⁴ См.: Макаев Э. А. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.; Л., 1964.

⁵ См.: Прохорова С. М. Синтаксис переходной русско-белорусской зоны: Ареально-типологическое исследование. Мн., 1991. С. 130. Карта 22.

⁶ Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М., 1989. С. 23.

⁷ См.: Толстой Н. И. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. С. 39.

⁸ Там же. С. 39, 42.

⁹ Прохорова С. М. Указ. соч. С. 128; Карта 20; С. 112. Карта 4; С. 113. Карта 5.

¹⁰ Третьяков П. Н. // Acta Baltico-Slavica. VI. Białystok, 1969. S. 121.

¹¹ Там же. С. 126.

¹² Там же.

¹³ Интересным нам представляется предположение В. К. Журавлева о том, что большая вариативность свидетельствует о большей древности языка (См.: Журавлев В. К. // VI Международный съезд балтистов: Тез. докл. Вильнюс, 1991).

¹⁴ См.: Прохорова С. М. Указ. соч. С. 123. Карта 15.

¹⁵ См.: Герд А. С. // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988.

И. Ф. УХВАНОВА-ШМЫГОВА

В ПОИСКАХ РЕАЛИЙ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЯДРА ТЕКСТА

Моделирование плана содержания текста в рамках причинно-генетической теории позволяет осуществить синтез двух исследовательских традиций. Наглядно это можно изобразить в виде схемы, на которой представлено восемь основных, порождающих план содержания текста факторов*. Четыре из них (Социальная практика, Познавательная деятельность, Язык и Речь), являющиеся посылками семиотического и в дальнейшем деятельностного подхода к исследованию плана содержания полноценных, самостоятельно функционирующих лингвистических знаков, носят процессуальный характер. И в силу специфики протекающих процессов эти факторы формируют абстрактный, сущностный тип содержания, своеобразный идеальный конструкт человеческого сознания (отражение процессов деятельности через идеи). Последний воплощается в содержательно-организационных формах – ИЕРАРХИИ, СТРУКТУРЕ, СИСТЕМЕ, ЛИНИИ (идеи, реализованные в иерархическом, структурном, системном, линейном порядке). Взаимопроникновение этих форм естественно, ибо оно является продолжением взаимопроникновения порождающих их факторов. Но в данном случае мы идем в аналитическом направлении видения нашего объекта исследования и, значит, по пути расчленения исходных факторов, форм и, естественно, их наполнений, каковыми являются прагматический, гносеологический, парадигматический и синтагматический виды содержания.

* Об общих принципах построения такой схемы (семантической модели слова) см.: Вестн. БГУ. 1982. Сер. 4. № 3. С. 41 и далее. Данная же статья представляет собой её уточнение и развитие.

Выделение четырех других факторов – Практическая деятельность, Речевое поведение, Функционирование языка и Языковой опыт, – а также порожденных ими компонентов (видов содержания) может быть соотнесено с сугубо лингвистической традицией. Здесь мы имеем дело, по существу, с феноменальным содержательным типом, т. е. с пониманием плана содержания языковой единицы как отражения реалий (явлений, феноменов) объективного мира, как их образ. В данном случае, если и можно оттолкнуться от понимания исходных факторов как деятельности, то только как деятельности, направленной на результат, т. е. свернутой, определенной временными рамками. Иначе говоря, феноменальный тип есть преходящий, ситуативно-ограниченный тип содержания. Стремление увидеть различные стороны такого содержания неизбежно выводит нас на денотативные, коннотативные, сигнификативные и десигнативные оттенки единого целого, что соотносимо (для текста) с тематическим, стилистическим, знаково-тематическим и типологическим видами содержания. Но это опять-таки непосредственное наполнение форм, порождаемых исходными факторами. Однако можно ли и здесь обозначить сами содержательно-организационные формы? Бесспорно. Непосредственным фокусируемым объектом текста как результата практической деятельности является РЕФЕРЕНТ, в то время как фокусированный объект текста как результата поведенческой деятельности, а точнее, речевого поведения – КОРТЕЖ. Точно так же в качестве фокусированного объекта функционирования языка выступает ЗНАКОВЫЙ РЕФЕРЕНТ, а языкового опыта – ЗНАКОВЫЙ КОРТЕЖ. Мы здесь предлагаем свой термин в связи с тем, что данная понятийная лакуна еще терминологически не обозначена. Надо сказать, что содержательная аналогия знакового кортежа со знаковым референтом здесь достаточно прозрачна, однако всякий новый термин требует своего определения, что и будет сделано несколько ниже. Соответственно, эти четыре позиции мы вправе считать организационно-содержательными формами феноменального типа плана содержания текста.

Все упомянутые факторы сводятся в едином объекте – тексте. Однако при всей своей отвлеченности они также едины. И это единство обеспечивается их тотальным взаимодействием. Так, с одной стороны, можно говорить об определенном единстве факторов, образующих каждый из типов содержания, их связка осуществляется через факторы, формирующие противоположный тип содержания. Как, например, речевое поведение есть реализация непосредственной связи между социальным и речевым процессами; в познавательном процессе, в свою очередь, воедино сливаются практическая деятельность и языковой опыт и т. д. Таким образом, существует некий внешний круг, образующий рамки содержания, выход за который, по существу, есть потеря содержания. С другой стороны, можно говорить об определенной симметричности распределения факторов на модели, свидетельствующей факт развития каждого из элементов пары друг в друге. Так, не может функционировать и развиваться система вне иерархической регуляции, а линейное распределение элементов внутри языкового знака (текста) связано не иначе как структурно. Точно так же можно говорить о содержательно значимостной симметрии референта и знакового референта, кортежа и знакового кортежа, получающих свое развитие друг в друге.

Итак, наша модель являет собой синтез двух взаимодополняющих и взаимораскрывающих исследовательских подходов и тем самым констатирует существование двух глобальных типов содержания коммуникативной языковой единицы: сущностного и феноменального, которые в самом общем смысле слова могут быть соотносимы с тем, что в англоязычной лингвистической литературе могло бы быть представлено терминами *idea-making content* и *image-making content*. И, далее, помещая два глобальных типа содержания на модели – содержание, сформированное на идее, и содержание, сформированное на образе, – мы подчеркиваем отсутствие какой-либо случайности в их расположении. Высокая степень информативности их позиций проявляется, с одной стороны, в том, что на модели представлены пограничные области каждого процесса (т. е. те явления, отношения между которыми формируют сущность), а с другой стороны, перед нами предстают основные сущностные коды каждого из обозначенных явлений. Причем в обоих случаях предполагается учет также и симметричных по отношению к соответствующим позициям элементов,

открывающих направленность их развития. Такое видение взаимодействия исходных элементов модели позволяет иллюстративно представить факт манифестации единства сущности и явления, глубинных и поверхностных уровней языковой материи, дихотомического развития основных ее элементов. Так, как мы видим, причинно-генетический подход оказывается оптимальным, во-первых, для выявления основных содержательных дихотомий феноменального типа плана содержания текста, а именно: «РЕФЕРЕНТ – ЗНАКОВЫЙ РЕФЕРЕНТ», «КОРТЕЖ – ЗНАКОВЫЙ КОРТЕЖ». Он, во-вторых, открывает возможность подобного восприятия сущностного типа плана содержания текста, определения позиций «ИЕРАРХИЯ – СИСТЕМА» и «СТРУКТУРА – ЛИНИЯ» как диалектических единств и тем самым динамически оппозиционных пар. (Мы можем обозначить основные дихотомии каждого из типов содержания и через вторую группу терминов. Так, «тема – знаковая тема», «стиль – тип» являются основными дихотомиями феноменального типа содержания текста; а «прагматическое – парадигматическое содержание», «гносеологическое – синтагматическое содержание» представляют собой дихотомии сущностного типа.)

Таким образом, причинно-генетический подход позволяет углубить наше понимание функционирования плана содержания текста, ввести идею существования семантического ядра текста, в основе развития которого заложены своеобразные диалектические единства или, что по существу одно и то же, динамические оппозиции. Отсюда логичным является признание того факта, что хотя данный этап исследования является структурным, т. е. статическим по существу, наш объект не перестает быть подвижным, саморазвивающимся организмом, достаточно уникальным и лишь относительно предсказуемым – такова семантика любого текста.

Названные оппозиции могут быть представлены так же, как глубинные дихотомии семантического ядра текста. Всестороннее изучение данных глубинных дихотомий в функциональном плане (особенностей притяжения и отталкивания, воплощения друг в друге и их отрицания, их перехода в новое качество в процессе взаимодействия) является необходимым для познания феномена «план содержания текста». А сам факт их выявления в едином семантическом ядре открывает новые горизонты для исследователя. Так, непосредственно определенными становятся объекты сущностного и смыслового содержания текста. Причем происходит своего рода перераспределение акцентов, поиск новых взаимодействующих содержательных пар (как это имеет место в сущностном типе), равно как и поиск основы возможного субъектно-предметного равновесия (феноменальный тип). В результате таких исканий и обнаруживает себя ранее никем не обозначенная дихотомия «кортеж – знаковый кортеж». Это обстоятельство требует от нас терминологической ясности и, соответственно, определения причин разведения этих двух смысловых позиций плана содержания текста уже на самых ранних ступенях исследования.

Систематизируя подходы к возможному изучению данной дихотомии, мы можем обнаружить по крайней мере пять причин, указывающих на необходимость разводить понятия «кортеж» и «знаковый кортеж».

Первая из них связана непосредственно с определением понятий, т. е. здесь мы разводим понятия и явления как бы по самому факту их существования. Понятие «кортеж» введено в лингвистический оборот А. Е. Супруном и означает реальную группу коммуникантов, так или иначе вовлеченных в речевой акт. В контексте нашего подхода мы как бы раздвигаем рамки данного определения и представляем кортеж не только и не столько как группу коммуникантов, вовлеченных во фрейм речевого акта, но в большей степени как отражение ее адресантом и/или адресатом. И это принципиально важно, ибо только в данном случае мы вправе вести речь о возможности фиксации в языковом знаке информации кортежного плана, ее непосредственном кодировании и декодировании, ее актуализации. Кодами такой фиксации будут, исходя из вышесказанного, структурное, линейное, иерархическое и системное измерение знака.

В отличие от кортежа, знаковый кортеж – это его типовое решение, ибо это – исторически значимостная кодовая репрезентация содержания, а именно: исторически зафиксированная в языковой системе и подчиненная определенным законам структурирования содержательная форма (для текста это – жанрово-композиционный содержательный тип), функциони-

рующая в речевой практике (т. е. линейно выраженная) и, следовательно, обладающая своей значимостью для коммуникантов (местом в иерархии их социальной деятельности). Доказательством различия данных понятий и, соответственно, явлений может служить и тот факт, что выбор кортежа и выбор знака кортежа не идентичны, так же как совершенно независимыми друг от друга могут быть внутрикортежные и внутризнаково-кортежные содержательные процессы. Так, говоря о знаке кортежа (типе) в его отношении к отражению реального кортежа (стилю) можно выделить три возможные позиции. Выбор для коммуникантов знакового кортежа может быть относительным, т. е. как бы пробным, предварительным. Тогда реальный кортеж в этой информативной дихотомии будет доминировать и в случае конфликта с информацией знакового кортежа неизбежно менять последний согласно ситуации. Знак кортежа может быть и определяющим, иначе говоря, жестким. В этом случае информация реального кортежа практически уходит из значения, простирая лишь где-то на его периферии и то не обязательно. Но возможно и гармоничное общение, предполагающее баланс между информацией кортежа и знакового кортежа. Тенденция к гармонизации общения в процессе длительного контакта людей, т. е. поиск оптимального соотношения знаковой и кортежной информации, является, в определенном смысле слова, закономерной. Отсутствие такового означает либо намеренное стремление к сохранению формального общения между коммуникантами (крен в сторону знакового кортежа, типовые приоритеты социума – модель тоталитарного поведения), либо тенденцию к многообразию форм общения внутри одного и того же кортежа (случайную, либо преднамеренную, что может отражать как поиск, так и стабилизацию внутрикортежных отношений, – модель демократического поведения). Как видим, здесь противопоставление кортежа и знакового кортежа есть противопоставление индивидуального и социального, единичного или отдельного и общего, противопоставление, необходимое с точки зрения осознания себя, своего факта существования: через группу, тип, знак познать, что есть ты, а через себя – группу, т. е. найти и себя, и свой знак. (В этой ситуации значимость и кортежа, и его знака равны).

Вторая причина – разведение кортежа и знакового кортежа по смыслу. Здесь имеет место тенденция к разведению самих реалий, стоящих за этими понятиями, осознание самоценности каждой, возвеличивание опыта, реальности. В противном случае, когда нет осознания такой самоценности, знак, являющийся естественной потребностью человека, начинает гипертрофировать свои функции, поглощать реальность, подчинять ее себе. Знак человеку удобен, с ним он чувствует себя комфортно. Выход за его пределы – всегда преодоление, будь то преодоление знаний, традиций, языковых наслоений, отказ от своего исторического наследия или что-либо еще. Однако это может быть и новой ступенью знаний, новой традицией, новым языковым фактом, если такой выход принимается и поддерживается группой, преломляется в ее поведении, становится и ее опытом, пусть видоизмененным, усредненным. И такие изменения закономерны. Новое – это всегда отказ от чего-то, пересмотр каких-то старых отношений, изменение по всем параметрам, кодам языка: в иерархии, линии, структуре и системе. (В этой ситуации значимость кортежа неизбежно выше значимости знака, ибо здесь она первична).

Третья причина – разведение кортежа и знакового кортежа по сущности. (Диапазон понятия «сущность» мы рассматриваем здесь исходя из противопоставления «сущности» «смыслу», но не «явлению», как было ранее). Сущностная тенденция взаимоотношений означает перенос акцента на познание явлений, их отражение, их знаковое воплощение, поклонение знаку, принятие реального кортежа только тогда, когда он отражен в знаке. В этом случае поиск реального кортежа – всегда поиск его знака. Если не подходит по своим сущностным проявлениям один знак, в процессе коммуникации происходит смена его на другой, вплоть до отказа от общения, если подходящий знак для него не находится в данной языковой системе. (Ситуация заданности знака кортежа в качестве первично значимостного по отношению к собственно кортежу. Здесь можно провести аналогию с примерами видения референтов только через их знаки, которые были зафиксированы и изучены основателями и последователями теории лингвистической относительности. Видимо, есть все основания считать, что с

обнаружением дихотомии «кортеж – знаковый кортеж» внутри семантического ядра языкового знака теория лингвистической относительности может быть дополнена материалами сугубо социологической направленности.)

Четвертая причина – разведение кортежа и знакового кортежа по признаку деятельности. Как мы видим, в них неизбежно прочитываются разные виды деятельности, а именно: реальная, или практическая, и знаковая, типовая. Так, если реальный кортеж – это, в определенном смысле, и н т и м н о с т ь и, значит, возможность затруднительного положения, а в лингвистическом смысле – это всегда поиск своего слова, стремление выразить достаточно полно свою роль, себя через слово, то знаковый кортеж – это ситуация, когда роли расписаны, и поэтому в ее рамках деятельность легко превращается в игру, маску, позу. Психологически в маске человек свободен, в ней для него почти нет затруднительных положений. Вот почему общение, и речевое в том числе, легче проходит, когда акцентированным оказывается знаковый, но не реальный кортеж. Реальный кортеж, далее, – это всегда оригинальная деятельность, в то время как знаковый кортеж характеризуется заданностью знаковой деятельности. У знака всегда есть рамки, границы функционирования, у реальности их значительно меньше или вообще нет, кроме как границ бытия и небытия. И последнее в данной связи, реальный кортеж – это каждый раз н о в а я с и т у а ц и я, в то время как знаковый кортеж – это типичная ситуация, которой можно обучиться и воспроизвести ее. Вот почему, играя, задавая ученикам роли, ситуации и, тем самым, вид деятельности, их легче научить речевой деятельности, ибо во многом это – обучение штампам: знаковому кортежу и знаковому референту. Деятельностный подход к противопоставлению исследуемых понятий (и, соответственно, понятий, стоящих за ними) открывает факт кодирования текстами не только самой деятельности, но и отношения субъектов коммуникации к ней (активность/пассивность и т. д.).

И наконец, может быть отмечена пятая причина разведения кортежа и знакового кортежа – по признаку волеизъявления. Так, если кортеж – сама реальность, т. е. это стиль жизни как сама жизнь, то знаковый кортеж – это типаж, стилизация. И здесь, кодируя текст, мы кодируем свой менталитет, свою систему ценностей, свою способность или неспособность к творчеству.

Все это, как нам кажется, не может не убеждать в реальности существования дихотомии «кортеж – знаковый кортеж», в необходимости включения ее в качестве одной из двух равноправных дихотомий семантического ядра текста, требующей самого пристального внимания исследователей дискурса.

СОБОЛЕВА Л. И.

ЛЕКСИКА СИТУАТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Сопоставительный анализ одной подсистемы сенсорной лексики русского и белорусского языков позволил определить особенности семиотической организации глаголов звучания, полностью обусловленные прагматическим аспектом плана содержания знака.

1.1. Глаголы шума являются прагматически незначимой частью лексикона, поэтому их денотатами стали не конкретные звуковые эффекты, а целостная ситуация, включающая представление о предмете – источнике звука, и сам звук. Следовательно, глаголы шума – это не понятийная лексика, а лексика ситуативных представлений. Лексика ситуативных представлений имеет двойственное семиотическое членение: звукоподражательные глаголы являются знаками-индексами, а звуковые признаки предмета – планом содержания этих знаков. Звуковой признак, в свою очередь, является знаком-индексом предмета, порождающего звук.

В звукоподражательных словах означающее и означаемое объединены по сходству, поэтому метафоризация стала основным способом переноса значения в этой лексической подсистеме. Причем происходит метафоризация не денотатов звуков, а денотатов источников звуков. В целом же коннотация ономатопеической лексики в большей мере, чем у других слов, определяется составляющими денотативной ситуации.